

Павел Волокидин: глазами современника

В декабре 2007 г. исполняется 130 лет со дня рождения талантливого одесского художника профессора Павла Гавриловича Волокидина. Он был блестящим живописцем, создал ряд портретов своих современников, писал пейзажи и натюрморты. Преподавал в Одесском художественном училище, Киевском художественном институте.

В архиве Одесского художественного музея хранится доклад Николая Ивановича Скроцкого, современника и друга художника, посвященный Павлу Гавриловичу Волокидину. С этим докладом он выступал в диспуте на посмертной выставке художника 25 марта 1938 г. Эта выставка проходила в период с 1937 по 1938 гг. в Киеве, Харькове и Одессе, в Государственном художественном музее.

О личности Н.И. Скроцкого (1876-1945) довольно подробно было написано О.М. Барковской в одной из книг альманаха за 2003 г. В.А. Абрамовым были опубликованы несколько писем П. Волокидина к Н. Скроцкому. Н. Скроцкий известен не только и не столько как художник. Его больше знали как профессионального фотографа, художественного критика. Он был в свое время заметной личностью в художественной жизни нашего города. Высоко ценил творчество одесских художников, следил за творческим развитием молодых художников, со многими дружил, писал рецензии, статьи в местную периодику.

О художнике П. Волокидине не так уж много написано. И живой рассказ его современника дополняет восприятие и понимание творческого наследия художника. Автор очень непосредственно и эмоционально излагает свои мысли, ярко воссоздает колорит художественной жизни Одессы конца XIX — начала XX столетия. Со знанием жизни пишет об ушедшей эпохе.

Материал публикуется без правок, с сохранением особенностей его стиля.

Доклад на диспуте 25 марта 1938 года художника Николая Ивановича Скроцкого

Павел Гаврилович Волокидин родился в 1877 году в селе Архарово Орловской губернии. Отец его, волостной писарь этого села, не сомневался, что в лице Павла растет достойный преемник, обладающий хорошим почерком и достаточной грамотой, — Павел окончил Городское училище. Но планы старика были нарушены приездом иконописцев. Павел заинтересовался искусством. Потянуло его из деревни в большой город, где можно учиться и видеть настоящую серьезную живопись.

Хватило у него решимости покинуть хату, своих родных и очутиться на пути к заветной цели, однако без всяких средств и надежд на чью-либо поддержку.

Идя вдоль насыпи строящегося железнодорожного пути, Волокидин примкнул к группе рабочих. Подрядчик, заметив ценные качества нового рабочего, сумевшего честно и аккуратно вести счет, быстро оценил полезное приобретение. Но по прошествии некоторого времени, узнав о намерениях Волокидина, стал уговаривать не покидать его, обещая "озолотить", — прибыли пополам. Волокидин не соблазнился и пошел своей дорогой, которая привела его к Одессе.

Слоняясь по городу, 18-летний юноша, имея несколько рублей в кармане, не знал, как выполнить свое решение стать художником, забрел в Пассаж, где состоялось первое знакомство с одесситом Можаровским — заведующим книжным магазином. Заинтересовавшись юношей, рассматривавшим объявления о предложении труда в газете "Одесские новости", наклеенной в витрине, узнав о цели прибытия Волокидина в Одессу, "в добрый час" представил его рывшемуся среди книг профессору Павловскому, преподавателю истории искусств в Художественном училище. Взглянув на рисунки Волокидина и почувствовав в них несомненные признаки дарования, Павловский посодействовал поступлению нового ученика в Художественное училище и ввел его в семью известного культурного деятеля В.Н. Маракуева, который умел хорошо разобраться в людях и потому сразу приблизил к себе П. Г., который вскоре здесь почувствовал себя на положении члена семьи. Заинтересовывая рисованием сыновей Маракуева, Волокидин сам все более увлекался любимым делом.

Одесское Художественное училище Павел Гаврилович окончил в 1905 году как художник бесспорный, признанный руководителями и школьными товарищами, ему рукоплескавшими. Это признание было особенно необходимо для самочувствия молодого художника в то время, когда старая Академия художеств ознаменовала свое бытие непризнанием таких художников, как Анисфельд и Голубкина (из-за чего, как известно, протестуя, ушел из академии В. Серов). После недолгого пребывания в академии П. Г. оставляет ее. Ознакомившись с художественными музеями столиц, Волокидин по возвращению в Одессу работает с большим подъемом, оживляя своим участием выставки Т-ва южнорусских художников.

Школьные годы П.Г. Волокидина, прошедшие под руководством Иорини, Ладыженского и Костанди, были озарены признанием успеха. П. Г. с первых же шагов художественного пути чувствовал себя бодро. Редко можно было услышать замечание завистника, что краски этюда не соответствуют действительности, что Волокидин не умеет рисовать. Кстати, надо сказать, что быть рисовальщиком у нас казалось не столь заман-

чивым по сравнению с званием живописца. Названные учителя пользовались авторитетом, ученики верили им.

С целью ознакомления с духом старой Одесской художественной школы позволю себе дать краткую характеристику руководителей этой школы.

Луиджи Иорини, доживший почти до 80-летнего возраста, пользовался большой и заслуженной любовью учеников. Этот старый гарибальдиец преподавал кроме скульптуры рисование. Рисунок признавал он лишь синтетический, умозрительно прочувствованный, выраженный линиями почти без теней. Непрозрачные тени в рисунке считал бессмысленной пачкотней, мешающей изучению формы; сожалел, что летом все ученики становятся пейзажистами. Для достижения натуры советовал учить ее наизусть. Направлял учащихся к изучению старых мастеров, особенно Микеланджело. Когда учащийся не справлялся с темой, оказавшейся непосильной, Иорини говорил серьезно: "Сюжет хорош, но ты его испортил".

Кириак Константинович Костанди. Умный художник и преподаватель, своим примером поощрявший стремления учеников видеть, как должно, — сильный, глубокий тон. Впрочем, ему самому как художнику мешали некоторые жупелы — полупонятия: например, "непосредственно". Без натуры дорабатывать этюд было запрещено, ибо это, по мнению Костанди, вело к "отсебятинам". Этот страх создал ложную традицию, обычным стало, что картина — это увеличенный этюд. Из высказываний К. К. имело успех утешение, что не всегда художнику дается сразу успех. "Художник должен примириться с тем, что он работает лучше и лучше, а так хорошо, как хотели бы, — может быть, никогда не удается".

На "четвергах" Т-ва южнорусских художников появился подающий надежды художник П. Волокидин, работы которого были замечены публикой и прессой. Это было лет 30 тому назад.

На "четвергах" звучали имена без фамилии, как во времена Ренессанса: "Рафаэль, Леонардо, Данте", — имена местных художественных сил: Тит (Дворников), Борис (Эгиз), Петр (Нилус), Герасим (Головков) и др. Среди посетителей "четвергов" можно было часто встретить Е.Н. Щепкину, писателя Куприна, талантливых артистов.

Т-во южнорусских художников давало мало, обещало также немного, но за что по справедливости ему надо быть признательным, — это радушие, с которым т-во на свои ежегодные выставки приглашало интересных художников из других городов, а также поддерживало связь с бывшими учениками Од. худож. училища, например — И. Бродским, Лаховским, бр. Колесниковыми, Феферкорном, Шовкуненко и др. В дни очередных "четвергов" ху-

дожники нередко совершали прогулки за город — Чубаевку, Бугаевку, Дюковский сад. Принимали участие в этих поисках художественных мотивов обычно Головков, Дворников, Заузе; к ним примкнул и Павел Волокидин.

По инициативе П. Г. и при его непосредственном участии был организован в 1913 художественный очаг — студия, где художники рисовали с обнаженной натуры. Это происходило в бывшей квартире (при Художественном училище), где жил, работал и умер Л. Иорини, первый учитель со дней основания Одесской художественной школы. Здесь же помещалась художественная библиотека.

П. Г. не подавлял в себе влияния более сильных мастеров, развивал свое художественное мировоззрение. Не развлекаясь вывертами и дразнящими трюками лженаторов, Волокидин позволял себе иногда отклонения от главной цели, но эти отклонения служили вехами к новым достижениям.

"Я знаю, грубости, может быть, даже варварства, у меня немало, но я стремлюсь к культурности, к совершенству. Ошибки свои я вижу и устранить их надеюсь, но мне нужнее всего не перечень ошибок, а указание на то, в чем я не ошибаюсь. Да, успех зависит, главным образом, от знаний, а самый простой способ узнать — это спросить. У кого? У природы. Но она отвечает то, что известно от волшебных сказок, что если знать, что после чего сделать — так непременно удастся".

Преподавание в ИЗО основ искусства увлекало П. Г. и побуждало вдумчивее и проникновеннее смотреть на живописные явления жизни.

Обладая чудесным даром видеть в природе красочную чистоту и гармонию, Волокидин как колорист очень силен. Проверая себя, уточняя свою живописную мысль, Павел Гаврилович любил повторять свои мотивы. Это мы видим и в пейзажах, и в портретах.

На всем протяжении художественной деятельности П. Г. можно проследить периоды сильно пережитых влияний. Репин, Врубель, Серов, Ренуар, Мане, Сезанн, Ван-Донген, Дерен, Фужита и — последнее увлечение — Кокошка. Из классиков были "властителями его дум" Гольбейн, Гальс, Рубенс, Тициан, Рембрандт, Веласкес и Гойя. Читая с большим интересом книги по искусству, он высказывался своеобразно, иногда наивно, но упрямо. Так, например, ему казалось, что он черпает от творения у Макса Нордау. Приводил высказывания мастеров искусства, со многими считался. Так, например, в портрете Э. Коренман, П. Г. считался с указанием Дегаза, что тон женского тела должен быть известен по отношению к белому. Поэтому, если приходится писать небо, зелень по отношению к белому — это искание неизвестных, тело же — данное.

В поисках стиля, соответствующего нашей эпохе, П. Г. не отвергал смелые достижения лучших мастеров всех эпох. Стиль создается не вдруг, и еще не взойшло ожидаемое светило, но лучи его уже видны. Среди этих лучей, несущих свет и тепло людям, историк искусства будущего укажет на лучи творчества П. Г.

О себе П. Г. мог сказать словами поэта:

"Нет, не пейзаж влечет меня,
Не краски я стремлюсь подметить,
А то, что в этих красках светит —
Восторг и радость бытия".

В созданном П. Г. Волокидиным таится столько жизненной энергии, "художественной души", как это называл П. Г., что можно думать, никогда не скажут о нем равнодушно, "память о нем никому не нужна", уподобляя его поэту, которого, может быть, почитают, но не читают. Нет, этого не может быть.

Заходящее солнце бросает прощальные лучи. Раскрытая могила. Нетерпеливые могильщики. И трогательные слова делегата Киевского художественного института. Он благодарит Одесскую художественную школу, подарившую Павла Гавриловича Киеву, который признал художественное значение Волокидина раньше, чем это сделала Одесса.

Посещая часто выставку, я испытывал шемящую грусть об утрате близкого мне человека, но мертвым я его не видел и хочу думать, что он жив, помимо всякой мистики.

Согласно поговорке наших друзей испанцев, рай не может быть раем, если там нет окошечка, через которое можно видеть Мадрид и Мансанарес. И вот мы видим П. Г., наблюдающего как бы из окна свою милую Одессу и реальных людей, о которых художник говорил: "На свете неинтересных людей нет". П. Г. очень любил мысль Родена о том, что из всех художественных работ бюст и портрет требуют наибольшей проницательности и что хороший портрет равноценен целой биографии.

Как художник и гражданин, достойный своей эпохи, Волокидин дал отклики на мотивы советской тематики, но здесь содержание не нашло своего воплощения в убедительной форме. Подготовительная работа, черновики, объясняют, что этот процесс творчества сопровождался затруднениями ввиду недостаточных навыков. Смерть, как известно, никогда не приходит поздно. Пройденная жизнь П. Г. казалась репетицией, подготовкой к большому искусству, и то, что сделано — это только введение в искусство.

"И не надоело ему еще учиться. В такие годы все пробы, опыты", — несколько лет назад сказал укоризненно художник, который научился делать картины с ручательством за сходство и успех.

Лирические мотивы природы более непосредственно воплощались в правду, которую так радостно выражал художник. Очень жаль, что не удалось привести в порядок замысел из цикла "Народное гулянье", где, несомненно, таились прекрасные возможности.

Сильный своей искренностью, П. Г. бесспорно советский художник, свободный художник Советской страны.

Любой этюд П. Г. может внести свет и тепло, счастливые переживания в жилище трудящегося.

Однажды на выставке, беседуя с молодежью о творчестве, я сказал известную фразу: "Стоит жить", говорит искусство. "Этого вопроса у нас нет", — убежденно, энергично ответила девушка-комсомолка. "В таком случае, заменим слово "стоит" словом "необходимо", и значение этой мысли только усилится, а "вопрос" исчезнет, как не бывало его".

Пройденный П. Г. почти 40-летний художественный путь мы видим как отчет, как исповедь на посмертной выставке, которая хотя и не полна, но ее едва ли когда-либо увидят полнее. Хотелось бы мне сказать о ней несколько слов. Серов говорил: "Перед хорошими картинами хочется помолчать". Поэтому боюсь, чтобы мои слова не показались болтовней.

Все здесь насыщено радостью бытия. Это не будничныи язык, это пафос поэта. Подобно тому, как доброму человеку нет никакой необходимости казаться добрым, так П. Г. не надо было казаться колористом, он им был в действительности. Ему не надо казаться советским художником, он им является в действительности. Его счастливые сочетания красок звучат как песня, но не кричат. В искренности его художественного чувствования нельзя усомниться.

Если верно, по словам Леонардо да Винчи, что все полноценное в искусстве стремится стать музыкой, то о достоинстве или вообще особенностях работ П. Г. можно свободно говорить терминами из музыкального словаря: симфонии, соната, гармонии, тон, туше, мелодия.

Это не эстетные картинки, не игра красивыми красочками, это не заученные сочетания. Палитра серьезна и разнообразна и никогда не перегружена. Поддаваясь обаянию "властителей душ", Волокидин охотно применял их технические приемы, соглашаясь с цельным мировоззрением, но чувство художественного такта всегда оберегало его от имитаторства.

Публикация Л. ЕРЕМИНОЙ